

Андрей Белый

СИМФОНИЯ №4
КУБОК МЕТЕЛЕЙ

ПСИХОДЕЛИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

УДК 82.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Б43

Белый, А.

Б43 Симфония №4. Кубок метелей / А. Белый. — М. : T8RUGRAM, 2018. — 204 с. — (Модное чтение).

ISBN 978-5-521-77942-0

Андрей Белый (1880—1934) — поэт Серебряного века, писатель, критик, мемуарист, один из ведущих деятелей русского символизма и модернизма.

«Симфония №4. Кубок метелей» — творческое открытие Белого, удивительный синтез слова и музыки, называемый ритмической прозой. Эта симфония, представляющая собой историю «современной души», насыщенная колдовскими, почти шаманскими повторами, исполнена ностальгической тоски по незаходящему солнцу и произведёт неизгладимое впечатление на каждого читателя.

УДК 82.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC000000

СИМФОНИЯ №4 КУБОК МЕТЕЛЕЙ

С ГЛУБОКИМ УВАЖЕНИЕМ ПОСВЯЩАЕТ

АВТОР КНИГУ

НИКОЛАЮ КАРЛОВИЧУ МЕТНЕРУ,
ВНУШИВШЕМУ ТЕМУ СИМФОНИИ,

И

ДОРОГОМУ ДРУГУ
ЗИНАИДЕ НИКОЛАЕВНЕ ГИППИУС,
РАЗРЕШИВШЕЙ ЭТУ ТЕМУ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Оканчивая свою «Четвертую Симфонию», я нахожусь в некотором недоумении. Кто ее будет читать? Кому она нужна? Я работал над ней долго, я старался по возможности точнее обрисовать некоторые переживания, подстилающие, так сказать, фон обыденной жизни и, по существу, невоплотимые в образах. Эти переживания, облеченные в форму повторяющихся тем, проходящих сквозь всю «Симфонию», представлены как бы в увеличительном стекле. Тут я встретился с двумя родами недоумений. Следует ли при выборе образа переживанию, по существу невоплотимому в образ, руководствоваться красотой самого образа или точностью его (т. е. чтобы образ вмещал возможный максимум переживания)? Вместе с тем как совместить внутреннюю связь невоплотимых в образ переживаний (я бы сказал, мистических) со связью образов? Передо мною обозначилось два пути: путь искусства и путь анализа самих переживаний, разложения их на составные части. Я избрал второй путь, и потому-то недоумеваю, — есть ли предлагаемая «Симфония» художественное произведение или документ состояния сознания современной души, быть может, любопытный для будущего психолога? Это касается субстанции самой «Симфонии».

Что же касается способа письма, то и здесь я недоумеваю. Меня интересовал конструктивный механизм

той смутно сознаваемой формы, которой были написаны предыдущие мои «Симфонии»: там конструкция сама собой напрашивалась, и отчетливого представления о том, чем должна быть «Симфония» в литературе, у меня не было. В предлагаемой «Симфонии» я более всего старался быть точным в экспозиции тем, в их контрапункте, соединении и т. д. В моей «Симфонии», собственно, две группы тем: первую группу составляют темы I-й части; все они, отличаясь друг от друга построением фраз, имеют, однако, внутреннее родство. Вторую группу тем образуют темы II части, которые по конструкции, в сущности, составляют одну тему, изложенную в главе «Зацветающий ветер». Эта тема развивается в трех направлениях. Одно ее направление (тема «а», как я ее привык называть) более отчетливо выражено в главе II части «В монастыре»; другое (тема «b») в главе части «Пена колосистая»; третье (тема «с») в главе «Золотая осень». Эти три темы II-й части — а, b, с, — вступая в соприкосновение с темами I-й части, и образуют, так сказать, ткань всей «Симфонии». В III и IV частях я старался выводить конструкцию фраз и образов так, чтобы форма и образ были предопределены тематическим развитием и, поскольку это возможно, подчинять образ механическому развитию тем. Я сознавал, что точность структуры, во-первых, подчиняет фабулу технике (часто приходилось удлинять «Симфонию» исключительно ради структурного интереса) и что красота образа не всегда совпадает с закономерностью его структурной формы. Вот почему и на «Симфонию» свою я смотрел во время работы лишь как на структурную задачу. Я до сих пор не знаю, имеет ли она право на существование. Но я вообще не знаю, имеют

ли эти права большинство произведений современной литературы. Я старался быть скорее исследователем, чем художником. Только объективная оценка будущего решит, имеют ли смысл мои структурные вычисления или они — парадокс. Но в таком же положении находятся и труженики чистого знания: будущее решает, возможно ли техническое приложение из их трудов. Я бы мог для отчетности привести здесь структурную схему всех глав, но кому это сейчас интересно? Для примера скажу только, что глава III части «Слезы росные» составлена по следующей схеме. Если мы назовем отрывки главы II части «Золотой осени», исключая первого, α , β , γ , δ , ϵ и т. д. и будем помнить, что: 1) основные темы 11-й части a, b, c, 2) одна из тем первой части есть «q», то общая конструкция главы примет вид: $\alpha\beta\gamma\delta\epsilon$ и т. д. Читатель поймет, в чем дело. Так же написано и все прочее.

Наконец, еще одна трудность для полного понимания «Симфонии». Смысл символов ее становится прозрачней от понимания структуры ее. Для того чтобы вполне рассмотреть переживание, сквозящее в любом образе, надо понимать, в какой теме этот образ проходит, сколько раз уже повторялась тема образа и какие образы ее сопровождали. И если при поверхностном чтении смысл переживания передается с точностью до $1/2$, то при соблюдении всего сказанного со стороны читателя смысл переживания уясняется с точностью до 0,01.

Отсюда следует одно печальное для меня заключение: я могу рекомендовать изучить мою «Симфонию» (сначала прочесть, потом рассмотреть структуру, прочесть еще и еще). Но какое право имею я на то, чтобы

меня изучали, когда я и сам не знаю, парадокс или не парадокс вся моя «Симфония»? Без внимательного отношения к моим приемам письма «Симфония» покажется скучной, растянутой, написанной ради красочных тонов некоторых отдельных ее сцен.

В заключение скажу о задаче фабулы, хотя она и тесно связана с техникой письма. В предлагаемой «Симфонии» я хотел изобразить всю гамму той особого рода любви, которую смутно предощущает наша эпоха, как предощущали ее и раньше Платон, Гете, Данте, — священной любви. Если и возможно в будущем новое религиозное сознание, то путь к нему — только через любовь. Я должен оговориться, что не имею ничего общего с современными пророками эротизма, стирающими черту не только между мистикой и психопатологией, не только вносящие в мистику порнографию, но и придающие эзотеризму смутных религиозных переживаний оттенок рекламы и шарлатанства. Должен оговориться, что пока я не вижу достоверных путей реализации этого смутного зова от любви к религии любви. Вот почему мне хотелось изобразить обетованную землю этой любви из метели, золота, неба и ветра. Тема метелей — это смутно зовущий порыв... куда? К жизни или смерти? К безумию или мудрости? И души любящих растворяются в метели.

Тема метелей возникла у меня давно — еще в 1903 году. Тогда же написаны некоторые (впоследствии переработанные) отрывки. Первые две части в первоначальной редакции были готовы уже в 1904 году (впоследствии я их переработал): тогда же основной лейтмотив метели был мною точно определен. Эти отрывки я и читал некоторым московским и петербургским писателям. Наконец, 1-я часть в за-

конченном виде была готова в июне 1906 года (два года я по многим причинам не мог работать над «Симфонией»); при переписке я включил лишь некоторые сатирические сцены — не более.

Пишу все это ввиду того, что многие могут меня укорять в перепеве некоторых современных тем. После всего сказанного я отклоняю от себя решительно этот возможный укор.

Автор
1907, Москва

ЧАСТЬ I

СНЕЖНАЯ ЛАПА

МЕТЕЛЬ

Метель выдувала с крыш бледные вихри.

Прыснули вверх снега и, как лилии, закачались над городом.

Певучие ленты серебра налетали — пролетали, обволакивали. Сталкивались, дробясь снегом. И снег рассыпался горстями бриллиантов. Сотнями брызнувших мошек, танцую, метался, ложился у ног.

И мошки гасли. Но, брызнувши светом, они опять возносились.

Снова гигантские лилии, занесясь, закачавшись над городом, облетали с пургою.

Это была первая зимняя метель.

На улице казались прохожие бледными, странными, когда сталкивались, хватаясь за шляпы.

Знакомая тайна в душе пролетала неожиданно. Знакомые вопли вдали разрывались призывно. Знакомая тайна душ проплывала неожиданно.

Но бродили все так же, все так же...

Здесь прохожий мелькнет, там прохожий кивнет своей мягкой шляпой. Проходя, столкнется с идущим навстречу.

Все кружилось пред ним бледным вихрем — снежным вихрем.

И слово ветра становилось пурговой плотью.

Мелькали прохожие, конки, пролетки, как тени столкнувшихся диких метелей.